

точника. Такого рода высказывания представлены в книге Л. С. Клейна «Археологические источники» [Клейн 1978 : 37].

Показателен параллелизм с той ситуацией, которую мы наблюдаем в этнографии и археологии. Во-первых, нарушается граница между понятиями предмета исследования, или исторического события, и исторического источника, рассказывающего об этом событии, ибо «историческим фактом», скорее, является содержание письменного источника. Во-вторых, операционально реконструкция («историографический факт») событий по историческим источникам ничем не отличается от реконструкции явлений культуры по этнографическим источникам. Этнографические источники так же подвергаются внешней и внутренней критике, как и исторические источники. Принципиальной является разница между предметом исследования истории и этнографии, а не между видом их источников. Например, сочинения Геродота являются одновременно и историческим, и этнографическим источником. То же можно сказать об «Аргонавтах» Малиновского, которые содержат в себе сведения, которые могут рассматриваться как исторические и вполне могут использоваться при написании истории государства Папуа-Новая Гвинея. Ср.: в музейной практике отсутствие в описи сведений исторического характера (имя собирателя и время собирания и поступления) существенно снижает этнографическую ценность предмета.

Подобные нарушения границ между *реальностью, источником и реконструкцией* этой реальности на основе источника как в теории, так и в практике исследований неизбежны, являясь отражением объективной реальности, в которой невозможно провести четкую линию между фиксацией, систематизацией и интерпретацией (=наблюдением, обобщением, конструированием) этнографической реальности.

«Этнографический источник» и «этнографический факт»

Таким образом, структурно (схематически) этнографический предмет, или археологический артефакт, в системе этих наук занимает такое же место, как и историческое событие в нарративной истории или явление природы в естественных науках. Здесь, например, нет места постулируемому различию

на субстанциональном уровне: между «преданиями» и «остатками». Безусловно, «остатки» (сами вещи) лучше, чем «предания», но во многих случаях этнограф получает знание о существовании тех или иных вещей (обрядов, верованиях) со слов информантов. Это налагает некоторые ограничения на пользование такой информацией, требующей дополнительной обработки, но не исключает возможности пользоваться ею. Это касается и исторических хроник, содержащих сведения этнографического характера, и современных полевых исследований, на основе которых создаются новые этнографические источники по разделам традиционной культуры, утратившим свою бытовую актуальность.

Существует два способа формирования собственно этнографического источника. Это фиксация знания о традиционной культуре, являющегося результатом непосредственного наблюдения или результатом опосредствованного наблюдения, глазами самих носителей культуры («работа с информантом»). Как отмечает В. А. Козьмин, результаты работы с информантом считаются менее ценным источником совершенно незаслуженно, ибо это означает отказ не только от большей, но и от специфической информации, которую невозможно получить другим путем [Козьмин 1993 : 463]. На наш взгляд, примером ценности источников такого рода является книга «Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней», изданная по материалам Л. М. Ивлевой [Ивлева 2004]. В том и другом случае, казалось бы, отрывочные записи воспоминаний информантов в сочетании со стремлением собирателя к максимальному охвату данного явления материальной, обрядовой или духовной культуры складываются в достаточно полную и достоверную картину, характеризующуюся определенной новизной информации даже по отношению к ранним источникам, отражающим реалии традиции, еще не «сокращенной» посторонним вмешательством.

Конечно, в обоих случаях понятие «источник» связано с письменной фиксацией лишь некоторых свойств и сторон предмета. Таким образом, вещь как этнографический факт выступает не в форме материального предмета, а в форме абстракции, отражающей взаимосвязь элементов, на которые она расчленяется в процессе описания. Возьмем такой «исторический факт», как способ ориентации египетских пирамид. Для нас он существует только в описании, причем, как оказывается, недоста-

точном, ибо письменные источники сообщают, что это делалось с помощью натягивания бечевки, но не сообщают, как это делалось.

В описании (в источнике) вещь берется не сама по себе, а только в тех аспектах, которые фиксируются в тексте. Это подразумевает, что описание этнографической вещи есть теоретический объект, некая идеальная модель, которая в процессе познания может пересматриваться или совершенствоваться.

Помимо прочего это должно означать, что описание как создание источника (предмета исследования) совпадает с моментом конструирования *объекта исследования* этнографии. Здесь можно воспользоваться определением, согласно которому объект исследования — это не сам фрагмент окружающего мира, а только некоторые его свойства, зафиксированные исследователем [Грязнов 1982 : 53]. Жизнь предметов в музейных коллекциях представляет собой простейшую модель создания этнографического источника: «предмет—опись—научное описание». Вместе с тем моделируется сама постановка проблемы этнографического источника.

В рамках этнографического музееведения постоянно возникает проблема атрибуции или, точнее, реатрибуции старых поступлений, полностью или частично утративших связь с сопроводительными списками. Конкретная процедура состоит во взаимной идентификации вещи и текста. В виде текста может выступать номер на вещи, номерная или текстовая этикетка, список, составленный при поступлении, статья в описи или карточном каталоге и, наконец, записки собирателя, содержащие историю приобретения данной вещи или хотя бы упоминания о бытовании подобных вещей в соответствующей культуре. Круг музейных документов, которые в настоящее время представляют собой первоисточники, можно расширить в зависимости от истории сложения музейных коллекций. Кроме того, привлекая позднейшие исследования профессиональных этнографов для атрибуции коллекционных предметов, мы фактически превращаем их в музейные тексты.

Следует подчеркнуть, что задача установления или, лучше сказать, восстановления связи между вещью и текстом встает во всех без исключения ситуациях. Речь может идти только о степени простоты или сложности конкретного случая. Доказывать связь текста с вещью необходимо даже в тех случаях,

когда текстовая или номерная этикетка наклеена на вещь. Само описание вещи является таким доказательством. Помимо прочего из этого вытекает, что между атрибуцией музейной вещи и семантическим анализом не существует абсолютной границы. Это два полюса одной и той же проблемы. Атрибуция музейной вещи совпадает с определением ее практической функции, из которой вытекает семантика вещи. Согласно функциональному методу, действительное представление о назначении вещи можно составить только на основе полного описания культуры, в которой эта вещь когда-то *функционировала*. Скрыто цитируя Малиновского в отношении как функционального метода, так и основанной на нем «теории институтов», А. К. Байбурин пишет, что музейная вещь малорепрезентативна («мертва»), так как вырвана из тела («текста») культуры, представляющей собой сложную систему практических и семиотических связей между вещами («контекстов») [Байбурин 1982 : 10]. Для иллюстрации достаточно напомнить употребляемое в современной практике составления описей и каталогов выражение «вещь неизвестного назначения». Однако можно хотя бы предположить существование методов реконструкции *назначения* (функции) вещи путем анализа ее *значения* (семантики).

Чем *по своему* результату описание вещи в культуре (в полевых условиях) отличается от ее описания в стенах музея уже после изъятия из живой традиции? Что является или что следует называть этнографическим источником: вещь как таковую или письменную фиксацию ее свойств?

Предлагаемый подход позволяет устранить разрыв между атрибуцией на основе изучения музейной документации (функциональный анализ) и так называемым научным описанием (семиотический анализ). Здесь обнаруживается обратная зависимость: степень совпадения вещи и текста наиболее низкая на уровне отдельного предмета и наиболее высокая на уровне культуры в целом (этнической группы или целого региона). Документальное свидетельство может оказаться ошибочным, тогда как семантический анализ, учитывая максимально возможное число связей между предметами и их значений, т. е. всю совокупность текстов, позволяет атрибутировать отдельную вещь даже в тех случаях, когда музейные методы оказываются бессильны. Конечно, речь идет не о противопоставлении музееведения методам теоретического анализа функции и семантики вещей, а о встречном восхождении от одного метода

к другому, поскольку абсолютной границы между этими формально противоположными методами не существует.

Сказанное также означает, что при решении, казалось бы, узко музееведческих задач исследователь сталкивается с теоретической проблемой — определением понятия «этнографический источник», которая в свою очередь связана с целым рядом других фундаментальных проблем этнографии.

В этом пункте мы подходим к вопросу о соотношении между «позитивизмом» и «символизмом». Насколько достоверными («точными») могут считаться результаты семантического анализа? При чтении некоторых работ создается впечатление, что это занятие — удел немногих, движение мысли которых происходит путем ассоциаций, неведомых простым смертным. Здесь мы действительно имеем дело скорее с искусством, чем с наукой, что вполне соответствует теории постмодернизма. Но что такое семантический анализ, если не *разгадывание* значения вещи? В этом плане семантический анализ становится синонимом структурного анализа. Разгадка вещи состоит в подборе (=создании) соответствующего текста или описании путем восхождения от низших к высшим ступеням идентичности вещи тексту, т. е. в восстановлении связей «непонятной» вещи с другими вещами. Наибольшая степень соответствия достигается на ареальном уровне, когда вся совокупность источников и все множество этнографических предметов противостоят друг другу как два атомарных факта. Тем самым мы поднимаемся на тот уровень анализа, где посредством сравнения «говорят» сами вещи. Таким образом, семантический анализ не содержит в себе ничего большего, чем обычный сравнительный анализ. Сравнительный же метод означает, что несуществующий к моменту исследования текст описания предмета (или его детали) создается окольным путем, исходя из содержания других текстов, принадлежащих другим предметам.

При исследовании музейной вещи задача состоит в погружении ее в культуру (включая язык) в виде текста, который фиксирует ее образ на момент встречи с ней наблюдателей (собирателей). Но это формальная сторона. По смыслу данная процедура сводится к «оживлению» вещей, воспроизведению всех ее возможных взаимосвязей на момент отрыва вещи от материнского тела культуры, ее породившей. Следовательно, момент «смерти» вещи оказывается моментом ее нового «рождения», воспроизведения в мышлении уже как предмета

исследования этнографии. Описание вещи в дневнике полевого исследователя является ее «умерщвлением» не в меньшей степени, чем ее перенос в музейное хранилище. Следует особо отметить, что рассматриваемая проблема касается не только случаев, связанных с изучением старинных этнографических собраний, не обеспеченных надлежащей документацией.

В заключение можно сказать следующее. Поскольку речь идет о совмещении вещи с текстом, описанием, источником, семантический анализ неизбежно оборачивается источниковедческим. Именно источниковедческий анализ (низший уровень) делает результаты семантического анализа достоверными. Любое описание этнографического предмета является решением задачи установления максимального соответствия между вещью и текстом. Сам процесс описания, проходящий внутри системы «вещь — текст», имеет двухсторонний характер. С одной стороны, идет процесс создания источника, с другой — самого субъекта исследования.

Здесь открывается еще одна сторона проблемы. Полевую (включая музейную) этнографию можно рассматривать как *экспериментальную этнографию*, объединяющую в себе фиксацию и описание. Сравнительный анализ во всех его аспектах — семантическом, структурном, источниковедческом и др. — есть не что иное, как разновидность эксперимента. По своим основным параметрам он ничем не отличается от естественнонаучного эксперимента, т. е. получения новой информации путем соединения / разделения различных элементов. Придавая этнографическому предмету (ритуалу, явлению фольклора, социальному институту, материальному предмету) ранее неизвестное, измененное значение, «соединяя» его с некоторой вещью или некоторым понятием, мы затем по цепочке уже известных для данной культуры ассоциаций прослеживаем поведение этого предмета и реакцию культурной среды на это изменение, чтобы определить, насколько естественной («своей») для этого предмета выглядит данная модификация.

Утверждая, что этнографический источник по определению может являться только письменным источником (текстом в прямом смысле слова), а не вещью, следует сказать, что описываемая вещь потому не является *источником информации*, что она есть *чистая информация*, а чистая (бесконечная) информация — это сама реальность. В. А. Козьмин, разграничивая понятия этнографического источника и этнографического

факта, на практике проводит различие между этнографическим источником (полевыми материалами, или записями) и этнографической реальностью [Козьмин 1993 : 461]. Вероятно, в силу особенностей внутрилингвистического подхода к реальности, обусловленных задачами перевода (межъязыковой трансформации текстов), необходимость такого различения / отождествления лучше чувствуется языковедами. Как писал Л. С. Бархударов, «не может быть никакого обмена информацией, если не существует самой информации; нельзя обмениваться мыслями, если не существует самих предметов мысли» [Бархударов 1975 : 36]. Здесь пусть в имплицитной форме, но довольно отчетливо выражено тождество понятий «сама информация» и «предмет мысли» (для нас попросту «предмет»). Информация в подлинном смысле слова всегда есть результат некоторого абстрагирования, вычленения отдельных немногих свойств вещи, которые в данном отношении (неважно, ошибочно или нет) выступают как существенные. Только в результате абстрагирования возникает *сообщение* в виде музейной описи как вида этнографического источника. Парадокс, демонстрирующий это отношение, заключается в том, что этнографические предметы становятся частью описи, частью текста подобно рисунку или фотографии, поскольку, как считается, без описи они ничего не говорят, практически теряя большую часть своей ценности не только для музея, но и для науки.